

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

ОКТАЙ АКБАЛ

— Пошли вам бог счастья в новом доме.
— Спасибо, брат.
— А на заводе как дела?
— Неплохо вроде. Определенного ничего сказать нельзя. Торговля — это ведь не контора. Вот вы знаете свои доходы, по ним и расходы ведете. А в торговле не так. Как ты живешь, как одеваешься, какая кухня у тебя — во всем держи марку. К тому же одним делом ограничиваться нельзя, надо браться сразу за несколько. Одно не пойдет — отыграешься на другом. Никаких гарантий тут нет. Я вот думаю свой завод расширять...

Он протянул Орхану свои сигареты.

— Да и политику поди угадай заранее.

— Ты занимаешься политикой?

— Занимаюсь немного. А что делать? Надо. Кому же за нее браться, как не образованным людям? Всюду так. Этим и хороша западная демократия. В партии-то все вступают. А делают политику те, у кого котелок варит. Они на любых выборах в выигрыше, дело держат в своих руках.

— Ты в какой партии состоишь?

— Одной партией не обойдешься. Я все перепробовал. Как начнутся в партии политические дебаты — жди ошибок. Ну а раз партия на ошибочном пути, выходишь из нее, вступаешь в другую. Иначе я не могу. Родина прежде всего. Человек всегда должен держаться правильного курса.

— А сейчас ты в какой партии? — улыбнулся Орхан.

Осман гордо смерил его взглядом:

— Разумеется, в правящей. Я всегда с теми, кто помогает стране решать ее экономические проблемы. Их избрал народ, а я никогда не пойду против народа.

Он встал, солидно откашлялся.

— Извини, мне пора. Сегодня вечером еду в Анкару. У меня свидание с министром торговли. Будем обсуждать проект расширения моего завода.

И протянул руку, прощаясь:

— Ты совсем не изменился, Орханчик. Все такой, как тогда. Ах, что за дни были...

ТУРЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Волк и баран.
сабля и шутка вместе не бывают.

*

Волосы растут от радости,
а ногти — от страдания.

*

Дерево искривляется в молодости.

*

Для чужестранца приветствие стоит
тысячи золотых.

*

Друг смотрит в лицо, а враг — на ноги.

АКОЙ он, этот мир? Наверное, очень большой. Интересно, где кончается улица с трамвайной линией и что там, за ней?

Зажав в руке сетку с бутылками из-под пива и банками для простокваши, девочка стояла на углу и смотрела по сторонам. Перед ней бесконечным потоком двигались люди. Все вместе они казались ей одним огромным существом, которое не переставая кричало на все лады и шевелилось.

Она стояла в стороне от этого потока, как малая песчинка, выброшенная бурей. Никто не замечал ее. На ней было выцветшее серое энтари¹, на ногах огромные башмаки, на голове косынка. Если бы она могла затеряться в этом праздничном потоке, ходить по этим дорогам, ездить на этих машинах!.. Стоит только перейти на бульвар... Она забыла обо всем.

— Эй, муха в рот попадет! — махнул ей черной, как смоль, ладонью сидевший сзади чистильщик обуви.

— Это вы мне?

— А кому же? Пошла отсюда, не прозрачная!

Она поплелась в лавку, отдала пустые бутылки, купила кило сахара и две бутылки пива. В овощной лавке взяла помидоры, перец и баклажаны. Потом зашла за хлебом. Сетка раздулась. Маленькие пальцы судорожно сжимали ручку сетки, тонкие запястья, казалось, вот-вот сломаются. Вокруг же по-прежнему бурлила жизнь.

На другой стороне улицы люди выходили из кинотеатра. До нее донесся смех. Должно быть, фильм был веселый. Ее тоже раз водили в кино. Она была в восторге. Фильм был про войну, без конца тонули корабли, падали на землю самолеты. Было непонятно и страшно. Ее очаровали эти люди из сказочного мира с их загадочной жизнью и загадочными вещами, которые их окружали.

Девочка подошла к витрине. На одной картин-

Октай Акбал родился в 1923 году в Стамбуле. Окончил лицей, учился в университете. Служил чиновником в Стамбуле и Анкаре, сотрудничал в газете «Ватан». Начиная с 1947 года, когда он впервые напечатался в журнале «Сервети-фюнун», пишет рассказы и романы.

За роман «Преступление быть людьми» в 1958 году Октай Акбал получил премию Общества турецкого языка, а за сборник рассказов «Зеркало в парикмахерской» — премию имени Саида Фаика в 1959 году.

Октай Акбал — автор ряда сборников рассказов: «Сначала испортился хлеб» (1946), «Без любви» (1949), «Византийский клад» (1953), «Зеркало в парикмахерской» (1958); романов «Улица отверженных» (1950), «Преступление быть людьми».

¹ Энтари — род длинной рубашки.

ке красивые девушки стояли в ряд — каждая выставила вперед ногу. На другой парень и девушка лежали на траве.

— Девочка! Пойдешь со мной в кино? — раздался голос за спиной. Она оглянулась. Сзади стоял огромный мужичка. Как хозяин.

— И мороженое тебе куплю...

Она бросилась бежать, не оглядываясь, пока опять не очутилась на углу. Рядом остановилась машина. Из нее вышла красивая загорелая девушка с обнаженной спиной, с высоко открытыми ногами. Она помахала рукой сидевшему в машине юноше. Машина покатила дальше. Что они говорят друг другу, эти люди? Кто невидимо управляет всеми ими? Сверху по бульвару спускалась молодая женщина, ведя за руку девочку в голубом. Девочка ей ровесница. Волосы аккуратно заплетены в косички, на спине прыгают воздушные голубые бантики, на ногах белые туфельки... Из-за поворота с шумом вырвался и промчался мимо мотоцикл... Высоко над головой послышалось гудение. «Самолет!» — закричал молодой чистильщик. С поднебесья, сверкая в лучах заходящего солнца, падали легкие разноцветные бумажки. Что в них? Кому их бросают? Некоторые побежали за ними. Ей тоже захотелось бежать.

— Не бегай зря, — сказал ей пожилой чистильщик. — Они теперь далеко улетели.

— Почему? — вырвалось у нее. Ей так хотелось найти эти таинственные листочки. Она притронется к ним, и весь мир откроется перед нею.

— Ветер их относит. Сейчас, небось, долетели до Джебеджи, а то и дальше.

— А Джебеджи далеко?

— Изрядно. Детишки там теперь радуются...

— А что это?

— Пустяки. Рекламы всякие. Мыло, кино рекламируют. Да кому это надо?

— Иногда на парашютах кусочки мыла спускают, — вставил молодой чистильщик.

Девочка уже не слышала его. Она летела по небу вместе с листочками. Вот и Джебеджи. Медленно преодолевая сопротивление воздуха, вместе с голубыми и розовыми бумажками она плавно спускается на асфальт. Ей навстречу с радостными воплями бежит толпа детей. Они окружают ее, толкают со всех сторон, больно дергают за волосы. Она хватает листочки. Их вырывают у нее из рук... И вот она опять стоит на углу. В одной руке сетка с пивными бутылками, в другой — буханка хлеба.

— Как тебя зовут? — слышит она голос чистильщика.

— А что?

— Да так. Дочка у меня...

— Умерла?

— Нет, с матерью осталась. Как же тебя зовут?

— Зехра.

Она помолчала, будто вспоминая что-то.

— Я из Кызылджа.

Чистильщик закурил. Шум катившегося мимо людского потока усиливался, как обычно к вечеру. Всегда в эти часы он вспоминает заветную улочку в Стамбуле, и сердце его сжимается от тоски.

— А живешь далеко?

— Вот на той улице, в желтом доме. У инженера Неджми-бея... Я недавно приехала. Раньше жила в Кызылджа. Мне очень нравится здесь.

Ясное дело. Отец с матерью — люди немощные. Зарабатывают курушей² пятнадцать в день. Отдали дочь в прислуги. Сначала в один дом, потом в другой...

— Родные у тебя есть?

— Мать есть, отец... Я их давно не видела. Братья тоже есть...

Обычная история. Бедная деревенская семья. Трое-пятеро детей. Бледные лица, побой, нищета, голод...

— Значит, понравилось тебе здесь?

Зехра быстро кивнула головой и пошла прочь. Чистильщик глядел ей вслед. Конечно, бедняжке хочется погулять, покататься на автобусе, пойти в парк, в кино. Небось, ничего в жизни не видела, кроме грязного белья, венников, пеленок, упреков, подзатыльников.

— Эй, подальше от середины, — крикнул он вдогонку. — Там машинцы!

На углу газетчик продавал свежие газеты. Мимо промчался мотоцикл. Ребенок пил газированную воду. Остановился автобус. Из него вышли красивые женщины. Чистильщик попробовал представить себе всю эту праздничную картину с высоты птичьего полета. Жизнь пронесется грохочущим потоком. Люди барахтаются в нем и плывут по течению бок о бок, ничего не зная друг о друге. На берегу стоит эта малышка. Растерялась, сказать ничего не может. А ведь и ее сердечко радости просит. Кругом красота. Все ей здесь непонятно, интересно: люди, машины, витрины. Ей бы на машине покататься да посмотреть, что там, за городом... Эх, девочка, девочка! Опоздаешь, будет тебе сегодня порка...

Действительно, ей давно пора было поторопиться. Дома ее ждали. Правда, дом был чужой. Зато в этом доме у нее был свой маленький темный чуланчик, где она спала, свернувшись клубочком. Если бы там было окно! Тогда она могла бы посмотреть через него на звездное небо, чувствовать на своем лице прикосновение свежего ветерка...

Она перехватила поудобней сетку, которая оттягивала затекшие пальцы, словно свинцом набитая, и нырнула в боковую улицу.

Что теперь сказать хозяйке? Ее будут бить по щекам, она будет плакать. Но все это только до вечера. Работа, ругань, побой — все это до тех пор, пока она не придет в свой чуланчик. А потом... В этот чулан, пропахший нафталином, старыми вещами и углем, она принесет с собой дыхание вселенной. Ничего, что чулан без окна. Зачем ей окно, когда рухнут стены и в каморку хлынет весь мир, с его улицами, людьми, огнями машин, летающими рекламами, самолетами, голосами, запахами, красками! Краски и звуки вихрем закружатся в ее маленькой головке. Вещи загадочного мира будут будоражить и дразнить ее воображение. До полночи она не сомкнет глаз и будет мечтать о новой встрече с этим миром, куда ее опять пошлют за покушками. Потом на нее дождем посыплются разноцветные рекламы. Никто не сможет их отнять у нее. Никто не посмеет ее толкнуть и обидеть. Розовые, голубые, желтые листочки все будут принадлежать ей.

Она будет счастлива. Все невзгоды маленькой жизни растают и сгинут. И крохотная песчинка, занесенная в город из далекой деревни, тоже получит свою долю на празднике жизни.

² Куруш — мелкая монета, сотая часть лиры.